

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ

(Перевёл с немецкого языка Владимир Абашиник)

АНОТАЦІЯ

В статті представлено оригінальний проект міжкультурної філософії. Спочатку в історичному контексті проаналізовано розвиток комунікації між Європою та іншими регіонами. Далі наведено приклади інтерпретації розвитку історії, зокрема, Гегелем. На завершення вказана відмінність «міжкультурної філософії» від «порівняльної філософії».

Ключові слова: міжкультурна філософія, відмінності, культура.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен оригинальный проект межкультурной философии. Сначала в историческом контексте проанализировано развитие коммуникации между Европой и другими регионами. Затем приведены примеры интерпретации развития истории, в т.ч. Гегелем. В завершение указано на отличие «межкультурной философии» от «сравнительной философии».

Ключевые слова: межкультурная философия, различия, культура.

SUMMARY

In the article the original project of the intercultural philosophy is presented. At first the progress of the communication between the Europe and other regions in historical context is analyzed. Then some examples of the interpretation of the history, including by Hegel, are given. Finally the difference between the “intercultural philosophy” and the “comparative philosophy” is pointed out.

Key words: intercultural philosophy, differences, culture.

Межкультурная философия (Interkulturelle Philosophie) – это название относительно молодой дисциплины, которая была выработана в немецкоязычном пространстве лишь в 1980-1990-х гг. последнего столетия на основании постмодерных теорий, так называемой «философии различия» [1], которая прикладывает усилия ради диалога между различными, отчасти очень гетерогенными культурами, с целью достижения взаимопонимания [2]. Такое взаимопонимание не должно автоматически подразумевать согласие, поскольку перед лицом множества гетерогенных культур можно жить лишь согласно одной максиме жизни, даже если мы сами в духовном или эмоциональном отношении в состоянии перенестись в чужую культуру.

Честолюбивые программы преследуют цель установления единого базиса, независимо от того, как он будет выглядеть. Такой базис может мыслиться как унификация, сглаживание отличий всех культур, что, собственно говоря, означало бы извращение собственной программы, или же – как объединяющее многообразное единство, в рамках которого срастаются разные культуры. Мыслимым был бы также пробный эвристический проект единения при условии – оставить различные культуры развиваться такими, какими они есть, однако подразумевая при этом эквивалентную возможность взаимопонимания, т.е. в смысле методики полилога [3]. Это могло бы придать основание для мирового сообщества и мира во всем мире. Менее честолюбивые, критические программы, понимая трудности такого проекта, довольствуются совместимостью гетерогенных культур, но тем самым с легкостью подвергают себя обвинению в культурном релятивизме.

Необходимость проекта межкультурной философии возникла в ходе глобализации, которая стала развиваться со середины последнего столетия в различных сферах, сначала с расширением влияния естественных наук и техники, а также экологических требований; но еще в большей мере – с распространением общественных, политических и юридических установок. Наш мир стал глобальным селом. Современные средства связи и коммуникации, например, поезд, автомобиль, самолет, телефон, мобильный телефон, факс, электронное сообщение, Интернет, соединяют людей и культуры самого различного рода со скоростью ветра и сближают их как во временном, так и в пространственном отношении.

Если раньше для того, чтобы преодолеть сухопутные пути, пересечь моря и достичь чужих, экзотических земель и народов, необходимы были недели, месяцы и годы, то сегодня о скорейшем попадании куда-либо и передаче чего-либо побеспокоится всемирная сеть транспортных и информационных путей. Хотя и сейчас все еще понадобится 25 часов, чтобы попасть самолетом в Австралию или Новую Зеландию, и от трех до четырех дней, чтобы через Сингапур, остров Бали, Япура, Вамена или Набуре добраться до центра Западной Папуа-Новой Гвинеи, но это вовсе ничто по сравнению со временем для путешествия и транспортными трудностями предыдущих времен, когда все это занимало многократно больше времени.

Быстрые транспортные пути и средства позволяют распределять и снова соединять процессы труда, производства и размещения – не только в региональном и национальном, но и в глобальном отношении. Например, в Германии как стране науки можно делать проекты моделей и дизайна одежды, затем шить все это в Китае как дешевой стране, а продавать снова в Европе. Благодаря Интернету все люди во всех точках мира в одно и то же время могут проследить курсы на бирже на Уолл-Стрит или в Токио, и никто уже не имеет никакого преимущества в отношении получения информации. Стало возможным даже сидеть на кресле дома и принимать участие в конгрессах и конференциях на расстоянии тысяч километров или виртуально посетить музеи, захоронения фараонов, пещеры Будды, т.е. физически находясь в Европе, а в ментальном и коммуникативном отношении пребывая на другом краю Земли.

Короче говоря, всемирная транспортно-техническая, коммуникативная, рабочая методическая и технико-распределительная сеть охватывает глобус, и при этом независимо от культур происхождения, условий жизни и жизненных установок, нравов и обычаев, образцов мышления и деятельности, а также религий соответствующих народов. Исламские государства снабжены компьютерами и мобильными телефонами сейчас так же, как и Западная Европа. Южная Америка, которая долгое время отставала в развитии, сегодня в своих школах и университетах, а также в повседневной жизни людей как в пространном, так и в интенсивном отношении оборудована Интернетом и мобильными телефонами лучше, чем старая Европа. Даже в Африке, по крайней мере, в любом селе имеется телевизор, телефон и радиоприемник, а в самых отдаленных районах Папуа-Новой Гвинеи, например, в районе Сепик, каждое село ежедневно в определенное время имеет возможность связаться с помощью радио с ближайшей авиадиспетчерской службой.

Учитывая соразмерность оборудования, рабочих методов и бюрократии, техники и научных познаний, на которых она основана, не может не возникнуть вопрос, насколько эти формальные структуры определяют содержание жизни отдельного народа, его духовные, религиозные и художественные взгляды. Можно ли вообще разделить форму и содержание? С одной стороны, народы строго придерживаются традиций и самобытности, например, арабский мир придерживается ислама и его представлений о морали, Китай – конфуцианства, а тем они самым пытаются отграничиться от Запада. С другой стороны, везде можно найти небоскребы, стеклянные дворцы банков и страховых компаний, одинаковые кровати в гостиницах, одинаково-единую международную кухню, одинаковую индустрию развлечений, рок и джаз, а также голливудские фильмы, которые транспортируют чужие идеи, везде просачиваются, и настраивают на другой лад, по крайней мере, молодежь.

В предыдущие столетия также имелись тенденции глобализации благодаря миграционным движениям, переселениям народов и завоевательным походам. Так, Александр Великий создал великую Македонскую империю на Западе – до самой Индии на востоке и Египта на юге. Монголы под предводительством Чингисхана создали свою империю от Китая до Европы, в рамках которой Марко Поло беспрепятственно мог путешествовать от Венеции до гор Каракорум и дальше в центр Китая. Римская империя, Британская колониальная империя, голландские торговые представительства также имели огромные размеры и охватывали самые различные группы народов. Испанский король Филипп II-й мог утверждать о своих владениях, что в его империи никогда не заходит солнце. Большие империи были также в Африке, на территории Китая, в Южной Америке (Империя Иезуитов) и т.д., и включали в себя большое количество народов-меньшинств.

Даже если названные экспансии и не охватывали всего мира, то они сталкивались с различными племенами, народами и культурами и вынуждены были приходить с ними к согласию. Отчасти это происходило насильственно, военным способом, путем навязывания культуры победителей, отчасти – более осторожным, мирным способом, путем образцов поведения, воспитания и образования, отчасти – либеральным и толерантным способом. Последний способ происходил под девизом «Не вмешиваться, оставить идти своим ходом», когда победители практиковали терпимость в отношении верований и культур, но, тем не менее, обязывали побежденные племена выплачивать дань, иногда подчиняли их совместному управлению, а в остальном – оставляли им возможность заниматься своими делами.

Большую роль в материальном и духовном обмене товарами играла торговля. Известными примерами из истории являются «Шелковый путь», по которому из Востока на Запад транспортировались пряности и ценные ткани, например, дамаст и шелк. Можно назвать и «Ганзейский союз», который занимался обменом товаров и распространением идей на севере Европы, особенно в регионе Балтийского моря. Сюда относится и нидерландская «Восточно-индийская компания», которая транспортировала в Европу тропические и субтропические продукты (пальмовое масло, каучук, пряности, благородные металлы), но которая также оставила свои следы на Дальнем Востоке: поскольку в этих отношениях взаимного обмена незатронутыми не остались ни более развитые культуры, ни менее развитые культуры, ни победители, ни побежденные. Как побежденные и поработанные восприняли культуру победителей, так и культура победителей пережила изменения в долгосрочном и подсознательном отношении.

Установки и институции одной культуры нельзя перенести в другие культуры в соотношении «один к одному». Об этом свидетельствует установление римского права на территории германцев, где оно должно было принимать во внимание местные и региональные особенности, но также претерпело и обратные влияния. Диалектическая интерпретация истории Гегеля показала то, что антагонизмы и противоречия никогда не остаются абсолютно антитетическими, а снимают себя в новом синтезе. «Снимать», с одной стороны, означает исключение, отрицание старого, а с другой стороны – поднятие на новый, более высокий уровень, который является модифицированным в сравнении со старым уровнем. То, что культуры, даже если они закрываются в себе, не могут существовать полностью отдельно от других, а оказывают влияния одна на другую, по крайней мере, на границах этих культур, проявляется в поли-лингвистике смежных (пограничных) областей, в смешении архитектурных стилей, в пищевых привычках и в другом.

Однако современная глобализация существенно отличается от предыдущих тенденций глобализации, поскольку из-за ограниченности средств коммуникации и путей сообщений в пространственном и временном отношении большие империи были соединены не так прочно. Благодаря техническим возможностям нынешняя глобализация соединяет культуры в самом тесном пространстве и в самое короткое время. Конфликты становятся неизбежными, а решения – обязательными. Поэтому становятся необходимыми обоюдное прояснение отношений и взаимопонимание.

Но давайте будем откровенны. Насколько далеко вообще распространено межкультурное взаимопонимание, которое в идеале проповедует равноценность культур? Разве не основывается идея равенства за рангом всех культур, несмотря на их различие и инаковость, на нашей европейской модели мышления, которая со времени Просвещения написала на своем флаге девиз равенства, свободы и братства? Если бросить взор назад на историю, то вопреки просветительской идее определенные группы народов вновь и вновь ставили себя на уровень более прогрессивных, образованных и просвещенных народов по сравнению с другими. Например, греки в качестве «эллинов» на основании одинакового происхождения, языка и образования отмежевали себя от других народов, варваров. Эскимосы себя вообще называют «Inuit», т.е. «людьми» в противовес другим, которые для них, очевидно, людьми не являются или же находятся на более низкой ступени. Народность «асмат» в Западной Папуа-Новой Гвинее называет себя «Asmat-ow», т.е. «мы, истинные люди» [4], также в отличие от других кланов и народностей. Меланезийские аборигены из Новой Каледонии говорят о себе, что они «Kanaken», т.е. «люди», в то время как другие, вероятно, таковыми не являются.

Если среди образованных и мыслящих критически людей в Европе, которые заинтересованы в межкультурном диалоге, предпринимаются настоятельные усилия с целью недопущения никакого центризма, т.е. никакого евроцентризма; а другие «центризмы», например, «Китае-центризм», «афро-центризм» в силу пробуждающегося чувства самооценки и национальной гордости этих народов находятся только на подъеме, то проект межкультурной *философской* коммуникации является специфическим культурным и евроцентричным проектом. Он остается запертым в своей «мыслительной клетке». Даже такое благое намерение, как серьезное восприятие иного в качестве иного, как чужого на основании равенства за рангом, не является препятствием тому, чтобы этот проект оставался в своей концепции и осуществлении связанным со своими собственными условиями. Для этого имеются исторические основания.

До тех пор, пока транспортные средства и средства коммуникации были ограничены, а знакомство с чужими культурами происходило скорее спорадически, пока не было больших пространственных и временных обзоров, была только региональная, при случае – национальная история, и не было никакой мировой истории. Древний Египет знал анналы фараонов, а Израиль историю царей, однако напрасно будем искать взаимосвязанной и сравнительной истории в те времена. Еще Геродот знал лишь «истории» во множественном числе (ἱστορίαι). А позже была европейская история, также независимая от нее китайская история [5]. Предпосылкой универсальной истории стало морское завоевание Колумбом Нового света в конце 15-го века и последовавшие за ним кругосветные морские путешествия; подобно последним также путешествия-открытия искателей приключений, исследователей, ученых, посланников, купцов, которые завоевывали сухопутным путем мир и впервые интенсивно и в обширном виде познакомились с чужими культурами.

Лейбниц принадлежит к духовным пионерам, которые прикладывали усилия с целью понимания китайской культуры, включая китайскую философию, и сравнивали ее с западной культурой. Различие он видел в практической направленности Дальнего Востока, которая нашла свое отражение в учении об обществе и государстве, а также в этике. Напротив, Запад со своей теоретической направленностью делал акцент на логике, математике и метафизике. Вслед за Лейбницем последовал другой немецкий мыслитель Христиан Вольф с его тезисом о двух источниках происхождения философии на Востоке и на Западе (Китай и Греция). Сочинение «О языке и мудрости индийцев. Вклад в обоснование науки о древностях» (Гейдельберг 1808) Фридриха Шлегеля познакомило Запад с индийской культурой и философией.

На основании обширных знаний и обзоров в последующие века, в эпоху Просвещения у Вольтера во Франции, у Гумбольдта в Германии впервые появилось понятие мировой или универсальной истории, в рамках которого теперь мир был всеохватывающе описан в пространственном и во временном отношении. Но это произошло с точки зрения

Европы, т.е. с понятийной точки зрения и благодаря вокабулярию, с помощью идей Западной Европы, а не с позиции в рамках способа мышления китайцев, индийцев, африканцев или индейцев. При этом Юго-восточная Азия, Тихий океан, Австралия вообще не играли никакой роли, ими по-прежнему пренебрегают [6].

Франц Мартин Виммер говорит о «синдроме Колумба», который ограничен не только лишь «...географическими, ботаническими или историческими открытиями, но и касается сферы души или развития обществ и религий» [7]. Таков наш западноевропейский метод написания мировой истории; таковы наши очки, через которые мы наблюдаем другие культуры, их способы мышления и деятельности; такова наша классификация смысловых систем, например, философии, науки, рациональности, искусства, религии, которую мы также переносим на других и по которой мы измеряем других. Короче говоря, таков наш способ написания истории человечества, культуры и, при необходимости – истории философии и искусства, а не способ видения и мышления других народов. А названный здесь подход утвердился во всем мире и сохранился до сих пор, поэтому словами Карла Лампрехта можно говорить о «европейской экспансии» [8].

Но этот исторически возникший «евроцентризм» как таковой не является предосудительным. Названное будет касаться также и «Китае-центризма» или «афро-центризма», если они примут глобальные размеры. Представитель определенного народа, культуры описывает и высказывает суждения о других, постоянно исходя из своей перспективы посредством терминологии, классификаций и стратегий аргументации. Здесь речь идет о феномене предрассудка, хорошо известного из герменевтики. Он образует исходящую точку любой интерпретации и указывает на предубежденности собственного мышления и речи, которые возникли под влиянием рождения, воспитания, образования, языка. Предосудительным это стало бы лишь тогда, когда такие высказывания были бы возведены в ранг единственной максимы интерпретации, суждения и оценки и, тем самым, обнаружили бы высокомерие в отношении других культур. Лишь такое доминантное поведение приводит к идеологии и догматике.

В герменевтическом процессе понимания речь идет скорее о том, чтобы распознать, признать и одновременно преодолеть такую позицию в ее ограниченности. Для этого необходимо сделать шаг назад и в рамках дистанцированной и самокритической рефлексии осознать историческую и культурную обусловленность своей исходной точки зрения. В практическом отношении соответствующая точка зрения является непреодолимой, но ее можно осознанно сделать относительной, видя перед собою перспективизм и релятивизм собственной точки зрения и точки зрения любого другого.

В то время как практическое погружение в чужую культуру, ее частичное или полное заимствование, – будь то в форме мирного или насильственного способа, в форме практического осуществления жизни или художественного конструирования, – является конкретным процессом, устраняющим дистанцию, теоретическое, мыслительное рассмотрение, происходящее в формах понятий и средств выражения собственной культуры, всегда осуществляется на расстоянии. Отсюда возникает вопрос – Насколько далеко вообще удастся мыслительное проникновение в чужую культуру? Дилемма любой мыслительной дискуссии, являющейся в определенном смысле «Этно-философией», заключается в апелляции к своей собственной точке зрения и одновременно – в необходимости ее отрицания и преодоления.

Является ли вообще возможной межкультурная коммуникация и особенно межкультурная *философская* коммуникация при таком ограничении, и если да, то – как она является возможной? Для выяснения этого сначала необходимо будет детально остановиться на понятиях «культура», «культурная философия» и «межкультурная философия» [а].

Отметим здесь, что вместо выражения «межкультурная философия» иногда используется термин «сравнительная философия» или «компаративная философия» (comparative philosophy), принятый в англо-американской традиции. Но эти выражения не являются тождественными. Сравнительная философия довольствуется сравнением

гетерогенных культур, которое может осуществляться лишь исходя из своей «наблюдательной вышки» без претензии на достижения взаимопонимания. А межкультурная философия прикладывает усилия также с целью достижения такого взаимопонимания. Поэтому ее программа является более охватывающей.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

- 1) «Философия различия», «мышление различия» – это выражение Гайнца Киммерле в его следующей работе: Heinz Kimmmerle, *Philosophien der Differenz. Eine Einfuehrung.* Wuerzburg 2000, S. 11 ff.
- 2) Franz Martin Wimmer, *Interkulturelle Philosophie. Eine Einfuehrung.* Wien 2004, S. 66. Этот автор использует выражение «полилог». Между тем, оно стало названием одноименного журнала «Polylog», выходящего с 1991 г.
- 3) Там же, S. 16 f.
- 4) См. Gunter Konrad, *Von den Asmat // Heinrich Harrer (Hrsg.) Unter Papuas. Mensch und Kultur seit ihrer Steinzeit.* Innsbruck, Frankfurt a.M. 1976, S. 31-90, особенно S. 32.
- 5) Очевидно, что Индия никогда особенно не интересовалась хронологиями и историями.
- 6) До сих пор не завершено географическое открытие, например, Новой Гвинеи и исследование ее истории.
- 7) См. Franz Martin Wimmer, *Ansaetze einer interkulturellen Philosophie* (1993), электронный доступ по адресу: <http://sammelpunkt.philo.at:8080/1872/1/ansaetze93.pdf>
- 8) См. Karl Lamprecht, *Europaeische Expansion in Vergangenheit und Gegenwart // Julius von Pflugk-Harttung (Hrsg.) Weltgeschichte. Die Entwicklung der Menschheit in Staat und Gesellschaft, in Kultur und Geistesleben.* 6 Bde, Berlin 1909, Bd. 6: *Geschichte der Neuzeit. Das nationale und soziale Zeitalter seit 1815*, S. 599-625, особенно S. 600.

Примечание переводчика

а) Здесь публикуется первая часть этой работы профессора Карен Глой. Вторая и третья части под названиями «Возможность и трудность межкультурной философии» и «Возможность и трудность межкультурной коммуникации» с анонсированными автором рассуждениями будут представлены в следующем номере этого журнала.